

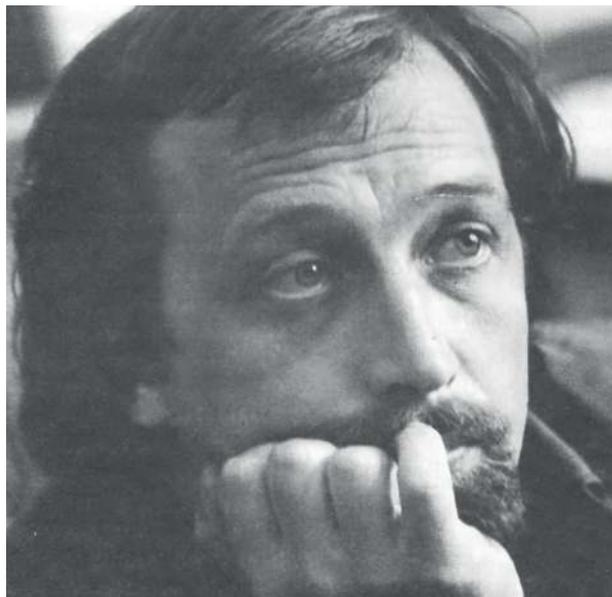
«Я ПРОЙДУ МИМО ЦАРСТВЕННЫХ ОКОН...»

К 75-летию со дня рождения Владимира Переверзева

Владимир Иванович Переверзев родился в Орле 14 марта 1947 года. Его отец (родовые корни будущего поэта из курской Обояни) воевал танкистом на фронте – всего годом ранее он, инвалид Великой Отечественной войны, приехал в разрушенный Орёл, в домик на улице Пуховой рядом с громадной Смоленской соборной церковью, которую тогда же переоборудовали под хлебозавод, а вскоре и улицу переименовали в честь Маяковского.

Владимир Переверзев учился в 26-й орловской средней школе, где были замечательные учителя: до и после Переверзева, а точнее, вместе с ним отсюда вышла плеяда замечательных людей – от актёров Фёдора Чеханкова и Елены Крайней до краеведов Владимира Власова и Валерия Ерёмкина. Переверзев был членом комитета комсомола школы, редактором стенгазеты, участвовал в создании школьного музея. Именно из тех лет – увлечение баскетболом, поэзией (его одноклассником был будущий известный поэт Геннадий Фролов). Переверзев любил Мандельштама, читал его наизусть. Когда уже в перестроечные годы собеседник понимающе кивал: «Да, конечно, Воронеж, филфак», Переверзев, словно извиняясь, произносил: «Нет, это ещё со школы, на уроках литературы...»

Рано почувствовав «тягу к литературе», Владимир начал писать ещё в школе. «Ракета дала задний ход», – такими словами началась рукопись фантастического романа, заслуживающая двойки по физике. Вспоминает орловская поэтесса Ирина Семёнова: «В юности Володя любил бродить в одиночестве где-нибудь на природе. Заходя ко мне после долгих странствий, он мог спросить: “Нет ли у тебя чего-нибудь поесть?”, как настоящий бездомный и голодный поэт, что восхищало меня до глубины души. Да и глядя на него в то время, всякий мало-мальски мыслящий человек понимал, что он поэт и ничем другим быть не может».

Владимир Переверзев окончил школу в 1965 году, но ещё три года отделяли его от студенческой скамьи: слесарь на заводе «Химтекстильмаш», монтировщик декораций в театре, учитель физкультуры в райцентре Нарышкино. Участвовал в литературном объединении, печатался в областных газетах, его стихи получили высокую оценку на семинаре поэзии в Орле. Владимир мечтал поступить в МГУ, но не прошёл по конкурсу. Некоторое время заочно учился в Орловском педагогическом институте, а затем поступил на филологический факультет Воронежского университета.

В Воронеже он встретил будущую жену Наталью (в девичестве Живоглядову) – она училась с ним на одном факультете (кандидат филологических наук, профессор Наталья Анатольевна Переверзева впоследствии много лет заведовала кафедрой литературы Орловского государственного института культуры). Его близким товарищем по университету стал сокурсник, будущий поэт и руководитель Белгородской писательской организации Владимир Молчанов (вскоре Молчанов был призван в армию). Владимир Переверзев был дру-

жен и с будущим кандидатом филологических наук, доцентом ВГУ Валентином Инютиным. Был членом драматического коллектива ВГУ, участвовал в смотрах художественной самодеятельности. Работал в студенческом стройотряде в Якутии.

Возможно, именно с того «трудового семестра» берёт исток интереса Переверзева к Дальнему Востоку. Тем более, что на Сахалине жили тогда родители Натальи Живоглядовой, а её дед писатель Борис Дальний ещё в 1939 году опубликовал в Воронеже повесть «Дальневосточная поэма» (переиздана в 1956 году).

В студенческие годы Переверзев писал стихи, но к своим виршам, впрочем, как и полагаются профессиональному филологу, относился очень критично – большинству было суждено остаться в мусорной корзине. Сохранилось и вошло в сборник «Паломничество в пустыню» (Орёл, 2006) стихотворение «Каменная книга» (1972), где есть весьма пафосные строки:

*Не дай прожить пустынником, природа!
Дай прочитать холмы и письмена,
где в каждом камне – продолжение рода,
где каждый знак – на языке народа,
где каждый знак – родного небосвода касается,
где каждый стяг – страна.*

Тогда же было написано и стихотворение, точно фиксирующее рост тревоги в душах представителей молодого поколения начала 1970-х:

*В последний раз коснёшься клавиш,
И встанешь – звук ещё не смолк, –
И ставни на зиму заставишь,
И дверь закроешь на замок.*

*А облака нависли низко,
И дышат кроны тяжело,
Как будто где-то очень близко
Прошёл гружёный эшелон.*

*И вместе с ним невесть в какую,
В чужую, может, сторону
Уехал кто на мировую,
Кто на гражданскую войну.*

В подшивках многотиражной газеты «Воронежский университет» тех лет нашлась лишь одна публикация стихов Переверзева – в номере за 1 сентября 1973 года, на 4-й странице под рубрикой «Стихи молодых» были опубликованы два стихотворения: «Проснись и выходи скорее...» и «Едва продрал глаза спросонок». Подпись – «В. Переверзев, выпускник филфака ВГУ 1973 г.».

Он отслужил два года лейтенантом-артиллеристом в военном городке у железнодорожной станции Томичи примерно в ста километрах от Благовещенска и в семидесяти километрах от китайской границы. Вернулся в Воронеж, где с декабря 1975 по февраль 1976 года работал помощником главного режиссёра ТЮЗа по литературной части, затем почти год оставался без работы, с января по август 1977 года – внештатный корреспондент телевидения Воронежского комитета по телевидению и радиовещанию.

Неопределённость с профессиональным статусом в какой-то степени компенсировалась творческим ростом будущего поэта. В Воронеже он знакомится с писателями, заявляет о себе, как о многообещающем авторе. Владимир Гордейчев так отозвался о первых опытах Переверзева: «Его стихотворения – ясные по идее, высокие по духу – отмечены гражданской и творческой зрелостью. В них присутствует то, что можно было бы обозначить «географией времени» с её социальным и нравственным рельефом». Особые грани подметил и Виктор Поляков: «Умение обращать простые детали и приметы в явления истинно поэтического свойства, придавать жизни оттенок необычности, какого-то, что ли, чуда, является едва ли не основным его достоинством. В то же время он не злоупотребляет новациями, которые иной раз больше ошарашивают, чем впечатляют. Залогом этому – хорошо пройденная школа русской классической поэзии».

В это время, в 1976 году, появились две небольшие публикации В. Переверзева в воронежском литературно-художественном журнале «Подъём» – рецензия и стихотворение. Рецензия стала откликом на книгу стихов В. Зорина «Родня», вышедшую в Центрально-Чернозёмном издательстве в 1975 году. Критиком Переверзев, судя по этой публикации, был вьедливым,

но доброжелательным. С одной стороны, оценивал изданное без всяких реверансов: «Временами В. Зорину отказывает не только вкус, но и элементарное знание предмета, включая правила русской орфографии. Он может, например, измерить что-нибудь с точностью «до микрометра», хотя общеизвестно, что микрометр является инструментом, а не единицей измерения». С другой стороны, подытоживал: «Он не только вторгается в пространство, подчиняя его, – он грубо срезает огромные временные пласты, и за этими подчас неловкими действиями всегда можно разглядеть искреннюю попытку осмысления исторической судьбы страны и народа». Есть в рецензии и весьма позитивные оценки: «просторен и гармоничен», «жизнеутверждающий пафос», «живая связь», «масштабы поэтического мира» и т.д.

Стихотворение «Где-то на краю небес...» было напечатано в рубрике «Голоса молодых» в подборке с произведениями Аллы Вариводиной, Александра Лисняка, Игоря Лукьянова, Владимира Молчанова, Л. Турбина, Александра Соловьёва, Михаила Армалинского. Примечательно, что стихотворение Переверзева было последним в подборке, за ним оставалось ещё больше половины незанятой страницы, но редакция, давшая другим авторам места куда больше, не рискнула напечатать ещё одно-два стихотворения Переверзева.

Очевидно, в Воронеже не находилось места начинающему литератору и журналисту, и он снова уезжает, на этот раз на Сахалин – редактором областного отделения Дальневосточного книжного издательства. За десять лет отредактировал сто книг (в том числе литературно-художественные сборники «Сахалин»), немало поездил по Дальнему Востоку: Курилы, Камчатка, Колыма. Любил суровую природу и в иные минуты потом говорил: «Сахалин спас меня от гражданской смерти».

Ответственный секретарь Сахалинской писательской организации Николай Тарасов вспоминал о Переверзеве: «Он первый показал и прочитал мне переданные в издательство удивительные верлибры Романа Хе. До того корейский паренёк с гитарой ничем не выделялся среди авторов-исполнителей, и попытки его

писать рифмованные стихи нисколько не обещали появления в лице Романа интереснейшего и самобытного поэта, единственного в своём роде».

А вот впечатление Тарасова о совместных поездках:

«Переверзев при посадке на теплоход “Ольга Андровская” всё не мог отыскать паспорт и, когда вахтенный, теряя терпенье, сказал: “Ну, хоть какие-то данные паспорта назвать можете?” – слегка призадумался и ответил: “Помню, что русский...”

Нам так понравилась эта фраза, что мы сделали её исторической и повторяли на все лады по разным поводам.

Мимо нас проплывали вулканы, и он, замечательный поэт, уже потом на родине, в Орле, написал:

*... Вот уже слова слетают с губ,
Их чужие повторяют губы.
Есть такое место – Итуруп,
Есть такой вулкан – Берутарубе...*

*Родина, таинственный простор,
Сказочный и ласковый – журчащий!
Из-за гор возникнет, из-за гор
Тот, Который Обладает Чашей.*

*Проступает медленно во мгле
Видящий Сквозь Горы и Столетия,
Тот, Кто Отдыхает на Земле
И жуёт травинку на рассвете...*

*...Этот остров не видал никто,
Глыбу непонятную в лазури.
Есть такая бухта – Инкито,
Есть такой вулкан – Атсонупури.*

*Где нашёл он столько дивных слов,
Тот, Кто Обитает в Центре Мира,
В задымлённом чуме, среди костров,
В ароматах нерпичьего жира?..».*

Ещё одна замета из воспоминаний Николая Тарасова – о рыбалке:

«Первое, что я услышал от Володи Переверзева на следующий день:

– Всё! Эта была последняя моя рыбалка. Начал вечером разделять улов – ужаснулся! Сплошные молоки с икрой. Сколько же я загубил потомства у этой мальмы! Видно, выловил всё, что можно и за своё прошлое, и за будущее. Такого раскаянья давно не испытывал. Всю ночь не спал...

От горки молок и икры было и мне немного не по себе, когда разделял рыбу. Но Володя переживал ту ситуацию гораздо острее. Через много лет я прочитал в его первой и последней повести: «...А еще я видел ужас и невыразимое страдание в человеческих глазах нерпы, одиноко и беспомощно распластавшейся в метре от берега, на котором у самой воды два браконьера, мои приятели, быстро и умело разделяли острыми охотничьими ножами тушу ее детёныша.

Они убили его издалека, спрятавшись в кустах морского шиповника, двумя одновременными выстрелами в голову. Я был рядом, тоже прятался в кустах, помню их дивный запах. Целились в самого маленького, с таким меньше хлопот».

В Южно-Сахалинске вышла первая книга стихотворений Владимира Переверзева «Дом и дорога» (1984), в те годы он много печатался в сборниках и альманахах.

Литературные критики увидели в Переверзеве представителя поколения «после Мандельштама», продолжателя дела Прасолова и Рубцова. Поэт и критик Александр Суворов подметил: «Из общей массы, движущейся в течении неостановимого литературного процесса, Переверзев выделяет то, что он изначально, практически с первых своих стихотворных строк, явился в русской поэзии как светлая и духовно ясная личность, его стихи проливаются как ровное и ясное озарение среди безвременья – в его творчестве не было ни модернистских изысков «литературного левачества», ни смуты, ни мятежа, ни унылой, беспросветной депрессивности, а была прежде всего та возвышенная, спокойная мудрость, которая единственно позволяет мужественному сердцу без смятения и предательского трепета встретить все жизненные испытания. Он словно бы все, что должно было случиться с нами и страной в последующие годы, знал заранее».

В конце 1980-х, в сорок лет, Владимир Переверзев вернулся в Орёл, чтобы окружить заботой постаревшего отца. Удалось устроиться на несколько месяцев собственным корреспондентом газеты «Российский Чернобыль» – с её удостоверением много ездил по Брянской и Орловской областям, увидел мрачные картины поражённых радиацией деревень, изломанные судьбы беженцев и ликвидаторов. Это только усилило обострённое восприятие перестроечной действительности. Не случайно Александр Суворов писал о Переверзеве: «Он всегда болезненно переживал о нашей духовной разделённости провинциальной, “нутряной” России от высокоумного и блистательного столичного творческого бомонда, бессильного и бесплодного, прекратись к нему приток жизненных соков от русской земли».

Его благородный голос завораживал – Переверзева звали работать на радио, но в итоге в начале 1990-х он стал сотрудником телевидения (государственная телерадиокомпания). Снял фильм о том, как А.И. Солженицын в 1995 году приехал в Орёл и прошёл по местам давних боёв. И были ещё более 300 фильмов и авторских передач Переверзева – циклы «Беседы о литературе», «Малые города Орловщины», «Дым Отечества»... Призы на престижных телефестивалях и конкурсах, звание заслуженного работника культуры России. Он не хотел вступать в Союз писателей, уникальный случай – его искренне просили написать заявление. Поэт Виктор Дронников посетовал в своей рекомендации: «Творчество Переверзева долго было в тени, он как бы не верил себе».

Душу его сковывало ощущение несвободы, он всегда остро чувствовал несправедливость, – а потому боролся за спасение заповедного уголка Орла – Дворянского гнезда. Однажды отправился пешком от орловского города Болхова (там Оптиный монастырь) до калужского Козельска (Оптина пустынь), и этот путь дал название будущей книге стихотворений, очерков и прозы «Паломничество в пустыню». Нередко вспоминал о воронежской юности – о той поре есть строки в повести «Петров день, или Нота “фа”», в поэзии, в частности, в стихотворении «Воспоминание о Воронеже» (2000):

*По Никитинской пух тополиный,
Сколько зим облетело кругом!
Головою качая повинной,
Вспомню я, что забыл этот дом.*

*Уж каких я не пережил ночек,
Но, как тянет дымком от полей,
Всё звенит мне трамвайный звоночек
С дальней той остановки моей.*

*А влюблённые словно дворняжки, –
Лишь обтянуты джинсами ляжки
И букетик сирени в руке, –
Говорят на чужом языке.*

*Я пройду мимо царственных окон
Узкой улочкой той завитой...
Будет пахнуть сирень, и высоко
Будет месяц стоять золотой.*

*Будет пахнуть сирень, и застынет
Лунный свет на картинке, как воск,
Как песок среднерусской пустыни,
Как забытый газетный киоск.*

Телевидение он не любил, говорил жёстко: «Работаю на территории самой ожесточённой борьбы Бога и дьявола». Но и на телевидении, и в Орле вообще у Переверзева всегда были искренние друзья, потому что он сам был человеком совести, добра и справедливости, не спешил встать «с веком наравне» – скорее он был гражданином «серебряного века». Заведующая музеем И.С. Тургенева Людмила Балыкова вспоминала: «У него была богемная походка – по Тургеневской улице шёл, как по парижской мостовой». Он жил с чувством катастрофичности российского бытия, но искал ростки, крупицы надежды.

Владимир Иванович Переверзев умер 27 марта 2009 года... Он испытывал поистине физическую боль за судьбу России. И в его закадровом голосе, и в стихах эта боль была и остаётся ощутима так же явственно, как мороз или огонь.

Алексей КОНДРАТЕНКО

